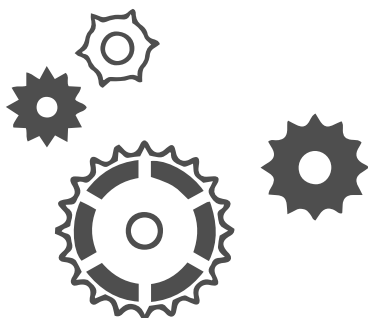

Читайте в серии
«Румперия. Дыхание магии»:

Елена Новак «Ночь Жатвы»
Марина Адлер «Моя фиалковая ведьма»
Лия Джей «Лучи другого солнца»
Маша Сафонова «Тёмный час»

Продолжение следует...

Маша Сафонова

ТЕМНЫЙ
ЧАС

Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М38

Иллюстрация на обложке *AquARTis* | *Аквартис*
Художественное оформление *Алёны Шороховой*

Маша Сафонова.
М38 Тёмный час / Маша Сафонова. — Москва : Эксмо,
2026. — 352 с. — (Румперия. Дыхание магии).

ISBN 978-5-04-231729-3

Чарли Дей, сын часового мастера, не мог и представить, что первое же творение перевернёт его жизнь. Теперь он владелец лавки «Тёмный час» — места, которое днём посещают обычные люди, а ночью — ведьмы, феи, оборотни и прочие создания, нуждающиеся в его услугах. В поисках ответов о своём прошлом, Чарли погружается в загадочный мир Зачеловечья, где знакомые легенды переплетаются с новыми историями. На этом пути он встретит принцев и принцесс, зловещего Контролёра, очаровательную цирковую артистку, огнедышащего дракона и даже саму Смерть. Сможет ли Чарли сохранить себя среди иллюзий и испытаний в мире, где всё не то, чем кажется? И самое главное, остаться при этом человеком?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231729-3

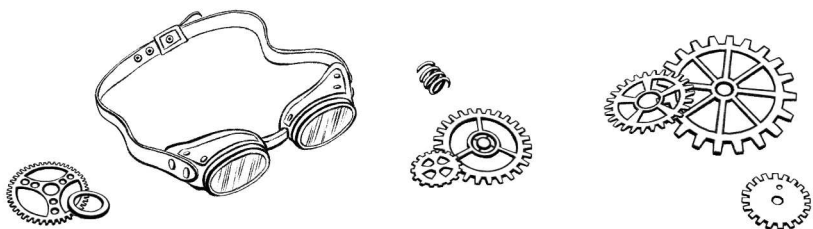
© Маша Сафонова, 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

И если можешь говорить с толпою
Иль с Королем шагать, не потеряв лица,
И если ранить друг тебя не сможет,
А верный враг считается, не лстя;
И если можешь каждую минуту бежать,
Не ослабляя бег,
Тогда Земля твоя; и в этом все, мой мальчик,
И — даже больше — будешь Человек.
«Заповедь», Р. Киплинг¹.

---

¹ В переводе автора.

ПРОЛОГ

Я почти не помню своего отца: помню только его широкие плечи, толстые пальцы и раскатыстый смех. Он всегда посмеивался над моим интересом к его ремеслу и каждый раз трепал меня по голове, когда я вставал на цыпочки рядом с его столом и внимательно смотрел, как отец прилаживает на место шестеренки. Я утыкался носом в грубый рабочий стол, пахнущий можжевельником и керосином, и пытался запомнить каждое отцовское движение.

— Из этого парня вырастет что-то путное, — смеялся он, наблюдая за моими неумелыми попытками соорудить какой-нибудь простенький механизм.

Часовщика лучше, чем он, на земле никогда не было и, я думаю, не будет. Наша лавочка, по моим воспоминаниям, пользовалась большим спросом, но отец почему-то никогда не брал с клиентов больше трех шиллингов, половину из которых он тратил на новые запчасти для часов.

— Они такие же работяги, как и мы, — отмахивался он от маминой брани. — Я не могу драться с них больше, чем они получают в год.

Мария Сафонова

— Работай для аристократов, а не для того сброда, который топчется под нашими окнами по ночам! — требовала мать, слабо кашляя. — Ты гениальный часовщик, Гарольд, но совершенно не умеешь зарабатывать деньги!

Он был широкой души человек, мой отец.

Я помню его последний вечер в лавочке: мы вместе сидели в мастерской, и я в который раз попытался собрать свои первые часы. Каждый год, в конце октября, отец учил меня ремеслу, и каждый год в этот день в глазах отца, обычно скрытых за очками-лупами, я видел тревогу и страх. Он пристально наблюдал за процессом, нервно теребя усы, но стоило мне уложить какую-то детальку не туда, он сразу становился спокоен.

Кажется, это произошло, когда мне стукнуло четырнадцать. Время близилось к полуночи, и отец поджег свою любимую керосиновую лампу. Она была грязная и чуть помятая с одного бока.

— Ну же, Чарли, — говорил он, подтрунивая надо мной, — не бойся ты, прилаживай сюда эту пружину. Да не трясись ты так, это пустяковое дело, Чарли.

В прошлом году я почти собрал часы: только с пружинкой не смог совладать. Она размоталась, и весь механизм пошел насмарку. Я помню, как облегченно и одновременно удрученно вздохнул отец, тихо проговорив: «Ну, это дело нехитрое, это мы поправим». А потом, когда мы выходили из мастерской, он сказал, глядя в мои отчаявшиеся глаза:

— У нас есть еще немного часов, мой мальчик. Ты обязательно всему научишься и пойдешь еще дальше, чем я. Иначе и быть не может.

Я даже представить себе не мог, что он на самом деле имел в виду.

В ту злополучную ночь я сидел за столом, держа длинным серебряным пинцетом медный импульсный камень. Я смазано и неуклюже положил его на тонкую ось. Колыхнулось пламя в треклятой папиной лампе. Я сжал зубы и аккуратно поправил камень на оси. Ось не шевельнулась. Медленно я положил сверху баланс. Баланс слабо качнулся, но тут же пришел в норму.

Резкий порыв ветра ударил в стекло, а откуда-то снизу, как будто бы из-под пола, пронзительно завывали собаки. Огонь снова дрогнул. По стене метнулась вытянутая тень.

— Не бойся, — вдруг шепнул отец, — продолжай. Дело за малым. Ты вот-вот станешь настоящим часовщиком.

Он был взволнован, глаза его лихорадочно блестели. Оставалось самое сложное: положить на баланс спираль. После мне осталось бы только закрепить ее колонкой и вставить механизм в медный корпус...

Собаки завывали громче. Ветер с новой силой ударил в оконную раму, и та жалобно и надрывно затрещала, стекла пронзительно зазвенели. Я с испугом уставился на отца: он был бледен и что-то бормотал себе под нос, не отрывая взгляда от моих неоконченных часов.

— Ничего не бойся! — вдруг воскликнул он, перекрикивая звон дрожащих стекол. Резко он поднял глаза на меня и тише, так, что я еле слышал его слова, сказал:

— Наши часы закончились, мой мальчик. Покажи им, что ты достоин стать мне заменой.

Пинцет в моей руке слегка дрожал, когда я подцепил спираль. Были собаки. Окно скрипело и звенело под натиском невесть откуда взявшегося ветра. Пламя внутри лампы сходило с ума и рисовало на стенах вокруг тени. Я увидел, как по столу ползет вытянутая черная рука с длинными пальцами. Она тянулась к моим часам, а я не мог вымолвить ни слова: мне предстояло установить спираль. Вот где я был в тот момент всеми мыслями. Там и только там.

Шум усиливался, бегущие по стене тени нашептывали слова на языке, мне неизвестном. Мир остановился вокруг меня. Я, практически не дыша, опустил спираль на ось, и она мягким завитком легла на баланс.

Он даже не качнулся.

Это значило только одно: у меня получилось.

Свистящие голоса закричали, завывали в ушах, заглушая мои собственные сбивчивые мысли. Я не мог отмахнуться от теней, да и не было в этом смысла. Мне оставалось совсем чуть-чуть: закрепить циферблат, установить стрелки и поместить часы в корпус...

Резко все смолкло. Тени застыли на стенах, будто напряглись в ожидании.

Передо мной лежали мои первые, настоящие часы.

Я дрожащей рукой потянулся к заводному ключу и пару раз его крутанул. Секундная стрелка дрогнула и побежала по кругу. Отец заворожено смотрел на плавные движения стрелки и широко улыбался.

— Ты сделал это, Чарли, — довольно проговорил он. — Ты сделал это.

«Ты сделал это, Чарли, — наперебой повторяли тени, пускаясь в пляс по стенам, — ты сделал это. Сделал это, Чарли. Ты — это Чарли. Чарли сделал. Чарли наш. Сделай это, Чарли».

Керосиновая лампа вспыхнула, на секунду осветив всю мастерскую, и с оглушительным треском взорвалась. Комната погрузилась во мрак, а я чувствовал, как сильно саднит щеку.

Тени смолкли.

— Что происходит?.. — наконец спросил я. Мой голос, кажется, дрожал. Я напряженно всматривался в ночную темень, но ничего не видел. — Отец, скажи, что происходит?..

— Запомни, сын мой, — сквозь темноту я не видел его, но отчетливо слышал торжественный и восхищенный голос, — принимай в лавке всякого, кто придет после заката; берись за любую работу, сколь сложной она тебе ни казалась бы; не проси денег больше, чем три шиллинга, и никогда не покидай лавку, если этого не требует клиент. Мой мальчик, прошу, заботься о своей матери, работай в мастерской не покладая рук, и не забывай о часовом деле. Скоро они начнут

приходить. Не бойся их и веди себя достойно. Теперь эта лавка твоя, Чарли.

«Лавка твоя, Чарли, — прошипела темнота. — Лавка, Чарли. Твоя лавка. Новый часовщик Чарли. Наш часовщик».

Темноту перебил слабый звук колокольчика, уведомляющего о приходе клиента.

— Иду! — крикнул отец и тяжелыми шаркающими шагами направился в лавку. — Я оставил преемника, я готов!

Под его ногами хрустели осколки от стеклянной лампы.

Чей-то низкий голос назвал отца по имени, и он рассмеялся. Не раскатисто и добродушно, как он обычно смеялся, когда я путал местами барабан и заводное колесо, а устало и глухо. До рассвета я не мог двинуться с места. По стенам бегали черные силуэты, и я слышал, как они разговаривают на своем, неизвестном мне языке.

Во второй раз колокольчик у двери так и не прозвенел.

Наутро ни отцовского дорожного плаща, ни башмаков в мастерской не оказалось. Все его вещи пропали из дома так, будто их никогда и не было. Все, что мне осталось в память о нем, — лупа-очки, потрясающие воображение любого часовщика.

С тех пор я больше не видел отца. Его исчезновение будоражило, заставляло метаться в кошмарах в поисках ответа на загадку, которую мне толком никто и не задавал. Я понимал, что отец, против моей воли, сделал меня заложником какой-то игры, но я даже не подозревал, какой

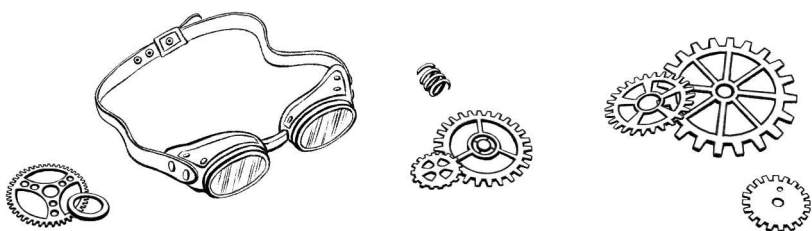

Темный час

именно. Мне были нужны — до невозможности — хоть какие-то зацепки. Но моя милая мама вдруг позабыла обо всем, что было связано с отцом, и только имя «Гарольд» отзывалось в ее глазах слабым, почти тлеющим огоньком. На все мои расспросы она лишь качала головой и то и дело спрашивала, что я имею в виду.

Та роковая ночь сделала меня не только обладателем длинного, идущего через всю щеку шрама, но и хозяином часовой лавки со странным названием «Темный Час».

С этого все и началось.

ЗАМКИ И ЦЕПИ

Прошло пять лет прежде, чем я смирился с загадочным исчезновением отца. Больше я ничего о нем не слышал, да и таинственные «они» не спешили появляться на пороге «Темного Часа». Жизнь шла своим чередом, будто ничего и никогда не происходило. Только изредка, когда воспоминания о злополучном октябрьском вечере настигали меня, я чувствовал смутный страх. Казалось, что кто-то из тени наблюдает за каждым моим шагом.

Я много работал в лавке: исправно чинил маленькие дамские часики, ремонтировал испорченные звенья в цепочках. Время от времени мне становилось скучно, и в моменты тоски я мастерил детские заводные игрушки. Когда появилась мода на крошечные паровозики,двигающиеся исключительно на паровом двигателе, я преуспел и в этом. Потом пришлось научиться открывать и чистить старые замки и заменять камни в кольцах и браслетах. Словом, брался за все, до чего дотягивались руки — руки неутомонного подростка, запертого в часовой лавке. Но, как и завещал отец, я никогда не просил за свои услуги больше, чем три шиллинга.

И вот, спустя почти семь лет, на пороге появился первый из «них».

Я сидел в мастерской и старался вставить темно-красный рубин в золотую оправу браслета миссис Гариетт. За ремонт можно было бы попросить куда больше трех шиллингов; думаю, ювелир бы так и сделал, не обратив ни капли внимания на красивые глаза миссис Гариетт.

Солнце в этот на удивление не туманный день уже садилось, и я подумывал сменить надпись под круглой табличкой *«Темный Час. Часы, ремонт цепей, механизмов любой сложности, а также ювелирные услуги и детские игрушки»* с «Открыто» на «Закрыто» и остаток вечера провести за браслетом миссис Гариетт и маленьким макетом железной дороги, который я не мог доделать уже больше трех месяцев.

Вдруг в лавке зазвенел колокольчик. Послышалось тяжелое шарканье, и осипший голос произнес:

— Здесь трудится часовщик Чарльз Дей, сын Гарольда Дея?

— Здесь! — крикнул я из мастерской, откладывая темно-красный рубин в шкатулку и вытирая руки о фартук. — Сейчас подойду!

Признаться, подходить не хотелось: в мои планы входило разве что выслушать просьбу вечернего клиента и попросить его прийти завтра. Но стоило мне войти в лавку, как я вспомнил каждое отцовское слово. Совесть укором кольнула сердце.

По ту сторону прилавка стоял, а вернее сказать еле держался на ногах, уставший человек.

